

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

ОЧЕРКИ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель - поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви - любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» - Рабби Сакс

ШОФТИМ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Величие смирения

На ужине, где одного общинного лидера чествовали за его свершения, почетный гость публично воздал должное его многочисленным достоинствам: упомянул о самоотверженности, неутомимом рвении и дальновидности. Когда гость закончил речь и сел на место, этот лидер наклонился к нему и сказал: «Вы забыли упомянуть только об одном» — «О чем же?» — «О моем смирении».

Красноречивая история. Великие лидеры обладают множеством достоинств, но смирением обычно не отличаются. Чаще они честолюбивы и довольно высокого о себе мнения. От других они ожидают повиновения, почитания, уважения и даже страха перед собой. Возможно, они держатся непринужденно, не сгибаясь под тяжестью чувства превосходства, — Элеонора Рузвельт называла это «незримой короной». Но смирение — совсем другое дело.

Вот почему одно из предписаний в нашей недельной главе звучит неожиданно и производит огромное впечатление. В Торе идет речь о царях. Зная, что власть обычно развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно (как позднее сформулировал лорд Актон), Тора перечисляет три искушения, подстерегающие царей.

Царь, гласит Тора, не должен обзаводиться множеством коней и множеством жен, а также накапливать большое богатство; спустя столетия в эти ловушки в конце концов угодила царь Шломо. Затем Тора добавляет:

«Когда он взойдет на престол в своем царстве, то пусть переписшет это Учение для себя в свиток <...> Пусть [свиток всегда] будет при нем, пусть он читает его всю жизнь — так он

научится бояться Г-спода, своего Б-га, станет соблюдать все слова этого Учения, [все] эти законы, будет исполнять их. [Тогда] он не станет возноситься в своем сердце над своими соплеменниками и не будет отступать от этих заповедей ни вправо, ни влево. И тогда он и его потомки долго будут царствовать над Израилем» (Дварим, 17:18–20).

Если царю — тому, кому все люди обязаны воздавать почести, — заповедано смирение («не возноситься в своем сердце над своими соплеменниками»), это тем более заповедано нам, простым смертным. Моше, величайший вождь еврейского народа, был «самым смиренным из всех людей на земле» (Бемидбар, 12:3). Так смирение сделало его великим либо он был смиренным благодаря своему величию? В любом случае рабби Йоханан сказал о Б-ге: «Везде, где вы найдете Его величие, там же вы найдете Его смирение»¹.

Это одна из подлинных революций, которые совершил иудаизм в истории духовной жизни. В Древнем мире идею, что царю положено быть смиренным, восприняли бы как насмешку. Даже сегодня, рассматривая руины и памятники Древней Месопотамии и Древнего Египта, мы можем лицезреть бесчисленные сооружения, воздвигнутые правителями в целях самовосхваления. Рамзес II установил перед храмом в Абу-Симбел шесть статуй: четыре изображают его самого, другие две — царицу. Их высота — без малого 110 метров, что почти в два раза выше памятника Линкольну в Вашингтоне.

Аристотель тоже не понял бы, как смирение может быть добродетелью. В его представлениях мегалопсихос — дословно «человек с великой душой»

¹ Псикта зутрата, Экев. — Примеч. авт.

— это аристократ, сознающий свое превосходство над широкими массами. Смирение, наряду с покорностью, закрепощенностью и самоуничижением, было уделом низших сословий — тех, кто рожден не править, а подчиняться. Идея, что царь должен быть смиренным, — радикально-новаторская, впервые ее выдвинул иудаизм, а позднее переняло христианство.

Вот очевидный пример того, как духовная жизнь меняет наш образ поведения, чувства и мышление. Вера в Б-га, в Чьем присутствии мы живем, означает, что мир не вращается вокруг нас — мы не стоим в его центре. Б-г — центр нашего мира. «Я прах и пепел», — сказал Авраам, отец нашей веры. «Кто я такой?» — спросил Моше, величайший из пророков. Это не означало, что они держались раболепно или подобострастно. Именно в тот момент, когда Авраам назвал себя прахом и пеплом, он оспорил решение Б-га, усомнившись, что выбранная Им кара для Сдома и городов равнины справедлива. Именно Моше, смиреннейший из людей, призвал Б-га простить народ: «А если нет, то сотри меня из Твоей книги, которую Ты написал!» То были люди, смелые духом, одни из самых смелых, каких только рождало человечество.

Между ивритскими словами «анивут» («смирение») и «шифлут» («самоуничижение») есть принципиальная разница. Настолько большая, что Маймонид определил смирение как средний путь между шифлут и гордыней².

Смирение — это не низкая самооценка. Низкая самооценка называется «шифлут». Смирение означает: вы достаточно уверены в себе и не нуждаетесь в том, чтобы окружающие уверяли вас в вашей значимости. Поэтому вы не видите необходимости пускать пыль в глаза, демонстрируя, что вы хитрее, умнее, талантливее или успешнее других. Вы уверены в себе, потому что живете, согреты любовью Б-га. Он верит в вас, даже если вы не верите в себя. Вы не испытываете потребности сравнивать себя с другими. У вас своя задача в жизни, у них — своя, и потому вы склонны сотрудничать с другими вместо того, чтобы соперничать.

Это означает, что вы в состоянии замечать других людей и ценить их такими, какие они есть. Другие для вас не просто зеркала, в которые вы смотрите ради самолюбования. Уверенность в себе дарует способность ценить других. Уверенность в своей идентичности дарует способность ценить тех, кто отличается от вас. Смирение — это «я», обращенное

вовне, осознание того, что «мир не вращается вокруг меня».

В 1979 году Кристофер Лэш, ныне покойный, опубликовал книгу под названием «Культура нарциссизма» с подзаголовком: «Американская жизнь в эпоху заниженных ожиданий». Это был пророческий труд.

Лэш утверждал, что катастрофическое ослабление семьи, общины и веры поставило нас в ситуацию полной неуверенности, лишив традиционных опор — чувств идентичности и самоценности. Лэш не дожидаясь эры селфи, аккаунтов в соцсетях, одежды с фирменными лейблами на самом заметном месте и других форм «саморекламы». Но все это его бы не удивило. Он считал нарциссизм видом неуверенности в себе, требующим постоянных заверений извне в твоей значимости и регулярных вливаний «стимуляторов самооценки». Попросту говоря, нарциссизм — не лучший способ прожить жизнь.

Иногда мне кажется, что нарциссизм и утрата веры в Б-га идут рука об руку. Когда мы теряем веру в Бога, в центре сознания остается только наше «я». Не случайно Ницше, самый яркий из современных атеистов, считал смирение не добродетелью, а пороком. Он называл смирение «местию слабых сильным». Также не случайно, что одна из его последних работ называлась «Почему я так умен»³. Вскоре после ее завершения он сошел с ума и провел в безумии одиннадцать лет, до самой кончины.

Необязательно быть религиозным, чтобы понимать ценность смирения. В 2014 году «Гарвард бизнес ревью» опубликовал результаты опроса, показавшего, что «лучшие лидеры — смиренные лидеры»⁴. Такие лидеры выносят для себя из критики уроки. Они достаточно уверены в себе, чтобы отдавать полномочия другим людям и хвалить их вклад в работу. Они идут на личный риск ради высшего блага. Они вдохновляют других, поощряя преданность и дух товарищества. Все это верно не только для лидеров, но и для всякого из нас — супруга, родителя, члена трудового коллектива или общины, друга.

Одним из самых смиренных людей, которых я когда-либо встречал, был покойный Любавичский Ребе, рабби Менахем-Мендл Шнеерсон. В нем не было ни капли самоуничижения. Он вел себя со спокойным достоинством. Он был уверен в себе, держался почти царственно. Но когда ты говорил с ним с глазу на глаз,

² Маймонид. Шмоне прахим. Глава 4; Комментарий к Авот, 4:4. В Законах раскаяния, 9:1 он определяет шифлут — униженное положение — как противоположность малхут — царской власти. — *Примеч. авт.* См. Законы раскаяния: «Что же означает написанное по всей Торе: “Если послушными будете...” , то получите то-то, а “если не послушаетесь...” , то с вами случится [то и это], и все это — в этом мире. Например, сытость и голод, война

и мир, царская власть и униженное положение...» (Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 670).

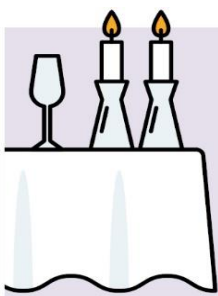
³ Часть этой работы Ницше опубликована под названием «Ессе Ното». — *Примеч. авт.*

⁴ Jeanine Prime and Elizabeth Salib. ‘The Best Leaders are Humble Leaders’ // Harvard Business Review. 12 May 2014. — *Примеч. авт.*

ты чувствовал себя самой важной персоной. Таков был его необычайный дар. Это была «царская власть без короны». Это было «величие в неприметном наряде»⁵. На этом опыте я понял, что проявлять смирение — это не значит мнить себя маленьким человеком, но полагать, что другие наделены величием.

Эзра Тафт Бенсон сказал: «Гордость бьется над вопросом “кто прав?”, а смирение — над вопросом “как правильно поступить?”» Служить Б-гу по любви, говорил Маймонид, — значит поступать правильно, в соответствии с истиной, не по иным

причинам, а потому, что это поступок по истине⁶. Любовь бескорыстна. Прощение бескорыстно. Альтруизм тоже бескорыстен. Когда мы мним себя центром мира, то превращаем всех и все на свете в средство достижения собственных целей. Это уничижительно для них, и в итоге унижительно для нас. Смирение означает, что мы живем, озаренные светом чего-то более грандиозного, чем мы сами. Когда в центре нашей жизни Б-г, мы открываем сознание великолепию сотворенного мира и красоте других людей. Чем меньше мы выпячиваем свое «я», тем огромнее ширь нашего мира.

Around the Shabbat Table

1. Why would a king (and perhaps any kind of leader) need the law of writing a Torah scroll?
2. Why is there a danger that too much humility will lead to shiflut (self-abasement)? How can we avoid this?
3. How does placing God at the centre of our lives allow us to achieve humility?

● These questions come from this week's **Family Edition** to Rabbi Sacks' Covenant & Conversation. For an interactive, multi-generational study, check out the full edition at www.rabbisacks.org/covenant-conversation-family-edition/shoftim/the-greatness-of-humility.

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

f t @ in v | RABBISACKS.ORG

⁵ Цитаты из размышлений американского религиозного деятеля (Церковь Святых Последних Дней) Спенсера У. Кимбалла о смирении.

⁶ Маймонид, Законы раскаяния, 10:2. «Тот, кто служит из любви, занимается Торой и заповедями и следует путями мудрости не по какой-то внешней причине,

не из боязни несчастий и не ради того, чтобы унаследовать добро, а поступает по истине, потому что она истина, и в конце достигнет его благо». См.: Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора (Кодекс Маймонида). Книга «Знание». М.: Книжники; Лехаим, 2010. С. 678. — *Примеч. перев.*